

В. Б. Устьянцев¹

ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА ОППОЗИЦИИ «МЫ–ОНИ» В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ МОДУСАХ КУЛЬТУРЫ

Основания бытийственности человеческого «я» и исходные формы идентичности субъекта в социаль-

¹ Заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных работ, в т. ч. монографии «Жизненное пространство, человек, риски»; учебных пособий «Введение в социальную рискологию», «Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем» (в соавт.); статей «Ценностное бытие человека», «Социальная память: этапы исторической динамики» и др. Член президиума Российского философского общества. Награжден орденом «Labore et Scientia — Трудом и Знанием».

ном мире в последние десятилетия занимают ключевые позиции в проблемном поле философии. Фундаментальные свойства многогранного бытия человека раскрываются в пространственных и временных структурах дихотомии «мы» и «они». Обозначенный познавательный горизонт мало изучен и довольно часто облекается в форму метафор. Взять хотя бы достаточно известный афоризм: «Бог взял себе время, а людям оставил пространство». В этом высказывании проследживается справедливое утверждение о роли пространства как «первоначала» бытийственности индивидов. В связи с этим пространство предстает исходной формой развертывания социально-психологических

общностей «мы–они». Выступая в качестве необходимого феномена «мы», пространство не только становится средством идентичности проживающих вместе, сообщая, но и дает возможность «разглядеть» социальные очертания индивидов, объединенных в «они».

Исходная пространственная организация «мы–они» первоначально может реконструироваться на *социально-психологическом уровне*. Благодаря довольно простой структуре названные социально-психологические общности объединяют самые различные социальные группы, слои, связанные единой территорией, менталитетом, сложившимися стереотипами общения, общепринятыми в межличностной среде правилами и нормами поведения. Если «мы» локализовано территорией, национальными интересами, традициями и остро нуждается в сохранении и воспроизводстве своего жизненного пространства, то «они» могут быть повсюду, в ближайшем и дальнем окружении, являться в расплывчатых, мифифицированных образах, мыслиться в понятиях — «чужая жизнь», «чужие традиции», «чужая территория». В коллективном сознании тех, кто объединен общим духом «мы», непрерывно рождаются психологические установки на доверительные, нейтральные или враждебные установки к «чужим». В предельно общем социально-психологическом пространстве, где зашлабась бинарная оппозиция «мы–они», коллективные эмоции, чувства, настроения, смыслы подвергаются трансформации и контролю со стороны социальных, прежде всего политических, институтов, регулирующих массовые психологические потоки.

Пространственные структуры социально-психологических общностей институализируются, вливаются в *пространство политики*. Изменение архитектуры пространства сопровождается изменением облика «своих» и «чужих». Достаточно рельефно такие изменения можно наблюдать в пространстве политического порядка. Стремление общности «мы» сохранять свое внутреннее пространство в условиях политического порядка поощряется властными структурами. Массовые политические манифестации, митинги, демонстрации в поддержку «нашей» власти эпизодически заполняют пространство порядка бурными эмоциональными всплесками, символическими действиями. Политические лозунги, плакаты-образы, патриотические песни как символы политического порядка становятся необходимым элементом пространственного бытия «мы». Эмоциональная преданность «нашей» власти сопровождается неприятием «чужой» власти, чужих норм, чужого порядка. «Мы» выталкивает массовые политические сомнения вовне, в массовое сознание, в социальные сети, где начинает оживать «образ врага». В пространстве порядка образуется духовная матрица для более сложных отношений «я — не я» в мире культуры, науки, образования, при этом политические контрасты оппозиции «мы» и «они» утрачивают свою прямолинейность и гасятся в различных формах межкультурного диалога.

Новые духовные основания оппозиции «мы–они» проявляются в культурном пространстве. Представляя культуру, ее духовную сущность с позиций расширения или сокращения сферы влияния ценностей на со-

знание индивидов, культурное пространство порождает различные поля оценивания индивидами коллективного «я». «Мы» в пространстве культуры отличается подвижной системой ценностей, посредством которой раскрывается собственная значимость в жизненном пространстве социума, происходит объемное восприятие «чужих», их поведения, образа жизни, приоритетных ценностей и предпочтений.

Можно утверждать, что ценностная матрица «мы» во многом определяет способы идентичности и границы влияния коллективного разума на культурное, шире, социальное пространство «своего» социума. Центральное место в этой матрице занимают ценности, выражающие значимость культурной общности, ценности, устанавливающие подвижную грань между традициями коллективной памяти и способностями к инновациям. Предельное приближение к ценностному ядру культурного пространства «мы» выражают ценности национального самосознания, национального характера. Примером универсальной культурной идентичности можно назвать используемое в межнациональном общении утверждение — «мы — русские». Это утверждение — символ русского характера. Именно в национальном характере раскрываются ценности, способные сплотить людей, направить усилия этноса на возрождение и процветание национальной культуры, цивилизации в целом. Академик Д. С. Лихачев духовную основу национального характера русских связывает со стремлением к свободе и справедливости. Анализируя культурный контекст интерпретации национального характера в свете оппозиции «мы–они», Д. С. Лихачев обращает внимание на искаженное восприятие ценностей русского характера с позиций массового сознания Запада: «На Западе до сих пор убеждены, что русским свойственна не только терпимость, но и терпение, а вместе с тем покорность, безразличие, низкий уровень духовных запросов»¹. Отказываясь принимать искаженную трактовку черт национального характера русских, Д. С. Лихачев стремится с позиции позитивных ценностей национальной культуры найти в пространстве культуры «пути развития духовной множественности, духовной свободы» русского человека. В зависимости от ценностей национальной культуры реализуется социокультурная направленность «мы», раскрывается (или должна раскрываться) творческая созидательность в экономике, науке, образовании.

Время как категория, выражающая устойчивую форму бытия человека и общества, открывает новый горизонт оппозиции «мы–они». В модусах времени: прошлое–настоящее–будущее обнаруживаются разные формы проявления оппозиции «свои–чужие». Сознание субъектов, объединенных социальной реальностью в явление «мы», способно мысленно воссоздать *прошлое*, оценить текучесть настоящего и выстроить планы на будущее.

Осознание прошлого дополняется его опредмечиванием в традициях как основных средствах коммеморативных практик. Чем разнообразнее и устойчивее

¹ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 4.

традиции в культурном пространстве «своих», тем выше уровень их групповой солидарности. Постоянно воспроизводя традиции в национальных праздниках, военных мемориалах, музеях, архивах, люди, объединенные деянием народного духа, национальным самосознанием, стремятся преодолеть разрыв с прошлым, реализовать свою идентичность в истории. Места памяти, созданные усилиями тех, кто стремится увековечить историю страны, народа, героических личностей, часто становятся полями столкновения идейных, ценностных конфликтов «своих» и «чужих». Прошлое, материализованное в настоящем в институте социальной памяти, приобретает ценностную окраску, все чаще превращается в фактор политического, культурного противостояния. Опираясь на прошлое, субъекты оппозиции «мы–они» могут усиливать или обесценивать значимость настоящего, находить возможности консенсуса противодействующих сил или, наоборот, обострять негативное отношение к местам памяти, игнорировать роль национальных ценностей в культурном пространстве.

Взаимодействие временных модусов *настоящего и прошлого* в особой системе «свои–чужие» во многом обусловлено современным состоянием культурного пространства, достижениями научно-технического прогресса и зрелостью гражданских отношений, норм и принципов. *Ценность настоящего* как временного модуса определяется вовлеченностью социальных общностей в осознание и освоение действительности. Настоящее по отношению к «мы–они» амбивалентно. С одной стороны, в настоящем происходит обретение общей идентичности «мы» посредством установления общности взглядов, убеждений, жизненных установок, передачи социального опыта новому поколению, преодоления устаревших стереотипов и формирования новых ценностных установок по отношению к чужим. С другой стороны, пребывание в настоящем, наполненном рисками, конфликтами, настроениями неопределенности, оказывается испытанием для «я», поглощенным оппозицией «мы–они». Оказываясь в заорганизованном мире настоящего, индивид в самых различных социальных проявлениях своей сущности, включая «мы», испытывает социальное давление, ощущает тесноту повторяющихся временных потоков настоящего. Человек, оказываясь в институциональном настоящем, по мнению Д. С. Лихачева, стремится преодолеть жесткие границы настоящего, раскрыть собственную идентичность

в модусах настоящего, прошлого, будущего. «Человеку тесно жить только в настоящем. Нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранности памяти на будущее...»¹. Социокультурная память, преодолевая «тиранию» настоящего, открывает возможность для реализации ценностного человека в мире культуры. Необходимым звеном объединения памяти о прошлом и движения коллективных субъектов в будущее становятся инновации, где происходит объективация «нового», создание новых моделей поведения для «своих» и многоплановых отношений к «чужим».

Определенные жизненные ориентиры для коллективных субъектов, оказавшихся в ролевых структурах «мы–они», содержатся в *модусе будущего*, в более общем контексте выражающего потенциальное, еще не реализованное бытие общества и человека. Проблемное поле «мы в будущем» может рассматриваться с позиции интуитивистского, мифологического, рационалистического подходов. Интуиция выражает возможности развертывания коллективного «мы» и «они» как коллективного бессознательного в интересах будущего; мифологемы «мы» и «они» подвергают сомнению или разрушают привычные представления о своих и чужих, наделяя их нереальными, порой пугающими признаками и свойствами в будущем; рационалистическое обоснование будущих состояний «мы–они» основано на знаниях и накопленном исследовательском опыте, представлено в виде прогнозов, сценариев развертывания ситуаций коллективного сознания в ближайшей или долгосрочной перспективе.

Конкретизацией проблемы «мы в будущем» является прогностический анализ национального характера как социокультурной матрицы «мы» в модусах времени. Модель будущего в применении к национальному характеру оказывается на пересечении рациональных и иррациональных подходов. Д. С. Лихачев, выявляя динамику национального характера в ценностях настоящего и будущего, справедливо утверждает: «В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем»². Анализируя национальный миф о счастливом будущем, мыслитель стремится обосновать рационально-прогностический горизонт развертывания русского характера. Свойственное русским стремление во всем доходить до пределов возможного необходимо, по его мнению, направлять в сознательное русло, используя для этого богатые возможности национальной культуры, общечеловеческие ценности, достижения мировой культуры.

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 377.

² Там же. С. 5.